
ДАНИЭЛЬ СЕВЕРИН
Туман над Грейхевеном
Иногда прошлое не уходит. Оно просто ждёт новых свидетелей.
ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

Даниэль Северин
Туман над Грейхевеном

https://litres.ru/74673032
SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать семь лет назад у берегов английского городка Грейхевен потерпело крушение судно «Эстер». Трагедия унесла множество жизней, оставив после себя лишь скорбь, тайны и имена, высеченные на памятном камне.

Когда на туманном побережье находят мёртвым пожилого врача Эдварда Миллера, инспектор Томас Рид начинает расследование, которое неожиданно приводит его к давно забытому кораблекрушению.

Старые документы противоречат друг другу, свидетели скрывают правду, а люди, считавшиеся погибшими, оказываются живы.

Чем глубже Рид погружается в прошлое, тем яснее понимает: трагедия «Эстер» была лишь началом истории, которую кто-то тщательно переписывал десятилетиями.

Но почему доктор Миллер решил заговорить именно сейчас? И какую цену придётся заплатить тем, кто осмелится раскрыть правду?

«Туман над Грейхевеном» — атмосферный детектив о тайнах прошлого, предательстве, вине и правде, которую невозможно похоронить навсегда.

Даниэль Северин
Туман над Грейхевеном

ДАНИЭЛЬ СЕВЕРИН
ТУМАН НАД

ГРЕЙХЕВЕНОМ
Детективный роман

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Следы на песке
Глава 1. Чужой город
Глава 2. Женщина у окна
Глава 3. Последний рейс
Глава 4. Журнал без даты
Глава 5. Последняя пациентка
Глава 6. Голос на плёнке
Глава 7. Ошибка в свидетельстве
Глава 8. Шесть ящиков
Глава 9. Женщина в сером
Глава 10. Та, что вернулась
Глава 11. Камера хранения
Глава 12. Гостиница у обрыва
Глава 13. Рецепт на чужое имя

Глава 14. Разговор у камина
Глава 15. Письмо, которого не отправили
Глава 16. Мастерская на старой дороге
Глава 17. Имя, которого не было
Глава 18. Дорога к северному мысу
Глава 19. Два протокола
Глава 20. Свидетельница из прошлого
Глава 21. Признание Эдварда Марча
Глава 22. Девятое имя
Глава 23. Свидетель из Плимута
Глава 24. Последний пациент доктора
Глава 25. Лицо в окне
Глава 26. Почерк мёртвого врача
Глава 27. Счета Оливии Грант
Глава 28. Показания начальника полиции
Глава 29. Следы на мокром песке
Глава 30. Свидетельство Норы
Глава 31. Дорога к старому причалу
Глава 32. Последняя поездка Миллера
Глава 33. Человек за стеклом
Глава 34. Последняя фотография
Глава 35. У старого причала
Глава 36. Вещь из музея
Глава 37. Шесть ящиков
Глава 38. Дом на северном мысе
Глава 39. Женщина, которой доверяли

Глава 40. Письма из Девона
Глава 41. Свидетельница в синем
Глава 42. Письмо, оставленное на столе
Глава 43. Соляная пристань
Глава 44. Последняя дорога Миллера
Глава 45. Та, кто помнила море
Глава 46. Вторая страница
Глава 47. Человек с другого берега
Глава 48. Последняя встреча
Глава 49. Правда у обрыва
Глава 50. Свидетель с причала
Глава 51. Письмо, которое не отправили
Глава 52. Красная папка
Глава 53. Последний берег
Глава 54. Тот, кто стоял у тропы
Глава 55. Старый механик
Глава 56. Последняя запись
Глава 57. Имена на камне

Пролог. Следы на песке

Грейхевен редко встречал вечер тишиной. Даже когда ветер стихал и рыбацкие суда возвращались к причалам, море продолжало глухо перекатываться за скалами. Волны разбивались о камень с такой размеренностью, что жители давно перестали различать этот звук. Он сопровождал их всю жизнь — во сне, за обедом, в минуты радости и в дни, когда

в домах закрывали ставни раньше обычного.

В тот вечер туман поднялся с воды ещё до сумерек. Он постепенно поглотил дальний волнорез, затем маяк и наконец добрался до нижних улиц. Свет фонарей стал тусклым, размытым. Из окон домов над гаванью можно было разглядеть лишь ближайшие крыши да редкие огни машин, медленно спускавшихся к порту.

Доктор Эдвард Миллер стоял у письменного стола в своём кабинете и смотрел на фотографию, которую не доставал из ящика много лет. На снимке семеро человек расположились у борта небольшого судна. Летнее солнце заставило почти всех щуриться. Только молодая женщина в светлом платье смотрела в объектив спокойно и прямо, словно фотограф застал её в тот миг, когда она собиралась сказать что-то важное.

Миллер провёл пальцем по краю карточки. Бумага истончилась на сгибах. Он помнил день съёмки, но теперь не мог вспомнить, кто именно предложил сделать фотографию. Эта мелочь почему-то тревожила его сильнее, чем следовало.

Из приёмной донёсся негромкий стук.

— Доктор? — позвала Клара Моррис. — Я закончила с карточками. Вам ещё что-нибудь нужно?

Миллер поспешно положил снимок на стол изображением вниз.

— Нет, Клара. Можете идти.

Она появилась в дверях с папкой в руках. Обычно Клара

не вмешивалась в его привычки, но последние недели доктор слишком часто оставался после окончания приёма, забывал о еде и подолгу сидел в темноте.

— Вы обещали не задерживаться сегодня, — напомнила она. — Утром у вас трое пациентов, и мистер Браун опять придёт раньше назначенного времени.

— Я помню мистера Брауна.

— В прошлый раз вы тоже так сказали, а потом искали его карточку в ящике с рецептами.

Миллер хотел ответить привычной шуткой, но не нашёл сил.

— У меня есть одно дело, — произнёс он. — Не медицинское.

Клара заметила фотографию, лежавшую на столе, однако не стала спрашивать.

— Дело может подождать до утра?

Доктор посмотрел на неё. За тридцать лет работы она научилась различать его усталость, раздражение и тревогу лучше любого врача. Сейчас он видел, что она ждёт не формального ответа, а правды.

— Боюсь, я уже слишком долго заставлял его ждать.

Клара некоторое время молчала. Затем положила папку на край стола.

— Если вам понадобится помощь, позвоните. Даже поздно.

— Спасибо.

Она задержалась у двери.

— Доктор, вы ведь знаете, что не обязаны всё делать один?

После её ухода Миллер ещё несколько минут не двигался. В коридоре щёлкнул выключатель, хлопнула входная дверь, и дом погрузился в непривычную тишину. Он взял фотографию снова. На обороте старым карандашом была написана дата — год, когда «Эстер» вышла в свой последний рейс.

Тогда он был уверен, что время сгладит воспоминания. Город продолжит жить, дети вырастут, старые газеты отправятся в архив, и имена людей, которых не удалось спасти, станут частью общей истории. Но время не исправило того, что случилось. Оно только научило свидетелей говорить об этом вполголоса.

Доктор открыл нижний ящик стола и вынул конверт. Внутри лежал сложенный лист с несколькими фамилиями. Некоторые были перечёркнуты, рядом с другими появились новые имена. Он перечитал список, потом убрал его обратно. Если предстоящий разговор состоится, бумаги понадобятся. Если нет — кто-нибудь должен будет найти их позже.

Он надел тёмное пальто, взял трость и вышел на улицу.

От кабинета к берегу вела дорога мимо закрытой аптеки и старой рыбной лавки. Миллер шёл медленно, выбирая участки тротуара, где не скользили мокрые камни. Несколько раз он останавливался, чтобы перевести дыхание. Из чайной на углу доносились голоса; за стеклом кто-то расставлял стулья перед закрытием. Доктор подумал, что мог бы зайти

и попросить чашку горячего чая. Вместо этого он свернул к лестнице, спускавшейся между скалами.

Внизу воздух был холоднее. Мелкая морось оседала на воротнике пальто. Песок ещё хранил следы дневных посетителей, но прилив постепенно стирал их. Миллер остановился у последней ступени и посмотрел вдоль берега.

Сначала он решил, что ошибся местом.

Затем в тумане показалась фигура женщины. Она стояла неподалёку от воды, не пытаясь укрыться от сырости. Серое пальто сливалось с окружающим воздухом. Лица доктор не видел, однако неподвижность её позы была странно знакомой.

— Вы пришли, — сказал он, когда подошёл достаточно близко.

Женщина не ответила сразу. Слышно было только, как волна с шорохом уходит с песка.

— Вы получили моё сообщение? — спросил Миллер.

— Получила.

Голос прозвучал негромко. Доктор невольно сжал трость.

— Я не был уверен, что вы захотите встретиться.

— Я тоже.

Он попытался рассмотреть её лицо. Время изменило его собственные черты, но в женщине угадывалось что-то от той молодой особы на фотографии: поворот головы, спокойная осанка, привычка не отводить взгляд первой.

— Мне говорили, что вас больше нет, — произнёс Мил-

лер.

— Вам говорили многое, доктор.

Он опустил глаза. Перед ними тянулись две цепочки следов — его тяжёлые отпечатки и более узкие, уходившие к влажной полосе у воды. На каблуках её обуви оставались чёткие треугольные отметины.

— Тогда я подписал то, что мне принесли, — сказал он. — Я повторял себе, что иначе будет хуже. Что я защищаю тех, кого ещё можно защитить.

Женщина повернулась к морю.

— А вы когда-нибудь спросили их самих, нужна ли им такая защита?

Вопрос прозвучал без гнева. От этого Миллеру стало труднее ответить.

— Нет, — признал он после долгой паузы. — Не спросил.

Ветер усилился. Доктор поправил шарф и сделал несколько шагов к большому камню, где можно было укрыться от порывов. Женщина не последовала за ним.

— У меня остались документы, — сказал Миллер. — Не все. Но достаточно, чтобы начать. Я хотел передать их вам лично.

— Вы принесли их?

— Не сюда. Они в надёжном месте.

— Вы снова решили за других.

Миллер почувствовал, как в груди поднимается знакомая усталость. Он пришёл с тщательно приготовленными объяс-

нениями, но теперь они казались ему жалкими. Перед ним стоял человек, чья жизнь была разрушена не одной большой ложью, а десятками маленьких решений, каждое из которых кто-то называл необходимым.

— Я боялся, — произнёс он. — Тогда и потом. Наверное, всё это время.

Женщина наконец посмотрела прямо на него.

— Я знаю.

Некоторое время они молчали. Сверху, со стороны дороги, донёсся далёкий звук автомобильного двигателя. Миллер обернулся, но сквозь туман не увидел света фар.

— Вы не должны были приходить одна, — сказал он.

— И вы тоже.

Доктор хотел спросить, что она имеет в виду, но заметил, что женщина смотрит не на него, а на лестницу между скалами. Там ничего не было видно. Возможно, она услышала те же шаги, которые ему почудились несколькими минутами раньше.

— Уходите к дороге, — сказал Миллер. — Я поднимусь следом.

— Вы уверены, что сможете?

Он кивнул, хотя дыхание стало неровным. Женщина задержалась, словно собиралась возразить, затем медленно направилась вдоль берега, туда, где туман скрывал узкую тропу между валунами.

Миллер остался у камня. Ему хотелось окликнуть её, по-

просить вернуться и выслушать всё, что он не сумел сказать за двадцать семь лет. Но слова не складывались. Он опёрся на трость, стараясь восстановить дыхание, и посмотрел в сторону лестницы.

Позднее никто не сможет точно установить, сколько времени он провёл там один.

Утром двое рыбаков обнаружили доктора у подножия склона и немедленно вызвали помощь. Когда констебль Марк Эллис прибыл на место, берег уже начал меняться под действием прилива. Эллис попросил остальных держаться ближе к камням, чтобы не затоптать следы, и сам присел у влажной полосы песка.

Он увидел отпечатки тяжёлых ботинок доктора. Чуть поодаль шла другая цепочка — узкая, с треугольной отметиной на каблуке. Она подходила к месту встречи и затем уходила обратно к воде, где её почти стёрли волны.

— Это кто-то из местных? — спросил один из рыбаков.

Эллис не ответил. Он сделал несколько фотографий, отметил положение следов в блокноте и попросил проверить, не видел ли кто-нибудь вечером женщину в сером пальто.

Лишь вернувшись в участок, он вспомнил старую фотографию из дела о гибели «Эстер». На ней рядом с портовым складом стояла молодая женщина. У самого края снимка виднелся её ботинок с необычным рисунком каблука.

Совпадение могло ничего не значить. Обувь менялась, фотографии обманывали, память подсказывала то, чего че-

ловек хотел увидеть. Эллис понимал это не хуже любого опытного полицейского.

И всё же, прежде чем позвонить инспектору Томасу Риду, он ещё раз открыл папку и положил старый снимок рядом с утренней фотографией песка.

За окном участок окутывал туман. В городе начинался обычный день, но Эллису впервые показалось, что Грейхевен слишком долго жил так, словно некоторые его жители никогда не возвращались с моря.

Глава 1. Чужой город

Автобус остановился на площади Грейхевена с таким вздохом, будто сам устал карабкаться по узкой дороге между холмами. Двери раскрылись, выпустив в промозглый воздух двоих пассажиров. Один сразу направился к булочной, второй задержался на ступеньке, поправляя ремень дорожной сумки.

Инспектор Томас Рид впервые видел город не на карте. С моря наползал туман, размывая очертания домов. На площади стоял закрытый кинотеатр с облупившейся афишной рамой. Чуть ниже начиналась улица, спускавшаяся к гавани; по ней катились редкие автомобили, оставляя на мокрой брусчатке светлые полосы.

Рид остановился под навесом, чтобы застегнуть пальто. В Лондоне дождь был досадной помехой между одним делом и другим. Здесь казалось, что дождь определяет распорядок

жизни: люди выходят из домов, когда он ослабевает, и замолкают, когда начинает шуметь сильнее.

В участке, занимавшем бывшее здание таможни, пахло бумагой, старым деревом и крепким чаем. Над лестницей висела карта побережья, на которой красным карандашом были отмечены опасные участки берега. Молодой констебль поднялся ему навстречу так поспешно, что едва не задел локтем вешалку.

— Инспектор Рид? Марк Эллис. Простите, я думал, вы приедете поездом.

— Поезд задержался. Автобус оказался надёжнее. У вас всегда так тихо?

Эллис посмотрел в сторону приёмной, словно вопрос требовал осторожного ответа.

— Обычно да. Но сейчас люди говорят больше, чем нам хотелось бы.

— О докторе Миллере?

— О нём. И не только.

Рид не стал расспрашивать на лестнице. Он прошёл в кабинет, снял мокрое пальто и дождался, пока Эллис расчистит место на столе. Констебль разложил фотографии побережья, план тропы и предварительное заключение врача. Листы были уложены аккуратно, но руки у него заметно дрожали.

— Начнём без догадок, — сказал Рид. — Где нашли тело?

— На нижнем участке пляжа. Там скалы прикрывают бе-

рег от дороги. В прилив пройти туда трудно.

— Кто обнаружил?

— Рыбак, возвращался к лодке утром. Он вызвал нас сразу.

Рид внимательно посмотрел на фотографии. Мокрый песок, обрывистая тропа, следы нескольких пар обуви. На одном снимке возле камня выделялся отпечаток каблука с маленькой треугольной выемкой.

— Это заметили при осмотре?

— Да. Но на пляже ходит половина города. Мы не знаем, чей след.

— Пока не знаем, — поправил Рид. — И не станем делать из него больше, чем он есть. Вы считаете смерть несчастным случаем?

Эллис задержал взгляд на фотографии.

— Сначала считал. Доктор был немолод, тропа скользкая. Но потом начали появляться свидетели. Один видел женщину в сером пальто. Другой утверждал, что она стояла на берегу ещё до приезда доктора.

— Женщину описали одинаково?

— Не совсем. Один говорит, что она пожилая. Другой — что выглядела молодой.

— Тогда у нас два рассказа, а не одно подтверждение. Что заставило вас связать их?

Констебль помедлил и достал тонкую архивную папку. Бумага внутри пожелтела, уголки листов были истёрты от мно-

гократного перелистывания. На титульной странице значилось имя Маргарет Уиткомб и дата смерти двадцатисемилетней давности.

Рид поднял глаза.

— Вы полагаете, что женщина из рассказов — человек, официально погибший много лет назад?

— Так считает миссис Прайс. Она знала Маргарет с детства. Уверяет, что видела её у гавани в субботу.

— А вы?

— Я не знаю, что думать. Мой отец служил здесь в те годы. Он рассказывал о шторме, о пропавшем судне и о докторе, который подписал свидетельство. Я тогда был ребёнком. Для меня это была история, которой пугали перед сном.

Рид закрыл папку, не захлопывая её.

— Люди могут ошибаться, Марк. Особенно если видят кого-то похожего на человека, которого давно оплакивали. Нам нужен не рассказ о призраке, а проверяемая последовательность событий.

Эллис кивнул, но не выглядел убеждённым.

— Я понимаю. Только есть ещё кое-что.

Он достал из папки опись документов. Рид заметил, что между номерами листов оставлены пропуски.

— Где эти страницы?

— Три свидетельских показания отсутствуют. В архиве нет отметки об их уничтожении или передаче. Я проверил дважды.

Рид снова посмотрел на имя Маргарет. Теперь старая папка представляла собой не загадку о возвращении мёртвой женщины, а вполне земную историю о документах, которые кто-то когда-то счёл нужным убрать.

— Кто имел доступ к архиву?

— Много лет назад — почти весь старший состав. Сейчас список уже короче.

— Составьте оба. И найдите мне миссис Прайс. Я хочу услышать её рассказ без пересказов.

Эллис потянулся к телефону, но остановился.

— Инспектор, можно спросить? Вы совсем не верите, что Маргарет могла вернуться?

Рид подошёл к окну. На другой стороне улицы женщина закрывала ставни, хотя до вечера оставалось несколько часов.

— Я верю, что люди иногда оказываются не там, где их привыкли считать. Но прежде чем объяснять это чем-то невозможным, надо выяснить, что действительно произошло.

Он обернулся.

— И ещё, Марк. Когда вы говорите со свидетелями, не называйте им имя Маргарет первым. Пусть сами скажут, кого узнали.

За окном дождь усилился. Водосточная труба глухо загудела, и Рид понял, что город уже начал отвечать на его вопросы — только ответы пока были слишком похожи на чу-

жие страхи.

Глава 2. Женщина у окна

К чайной «Морская роза» они подошли, когда дождь немного стих. Набережная была почти пуста. Ветер срывал с каменных ступеней белую пену, и редкие прохожие шли, опустив головы, чтобы не смотреть в сторону моря.

Внутри чайной было тепло. На маленьких столах лежали клетчатые салфетки, за стеклянной витриной стояли пироги с яблоками, а вдоль стены висели старые фотографии Грейхевена. Снимки казались частью местного календаря: по ним можно было проследить, как исчезали деревянные причалы, менялись лодки и взрослели дети, которых давно уже не было на этих улицах.

Агнес Прайс встретила гостей у стойки. На ней был тёмно-синий фартук; руки покраснели от горячей воды. Она посмотрела на Эллиса, потом на Рида и с явным усилием удержалась от недовольного замечания.

— Я всё рассказала вашему констеблю, — произнесла она. — Если вы пришли спросить, не приснилось ли мне, можете не тратить время.

— Я пришёл узнать, что вы видели, — ответил Рид. — И, возможно, то, что не успели рассказать.

Агнес некоторое время рассматривала его лицо. Затем сняла фартук и повесила его за дверью.

— Чай будете?

— Если это не помешает вам закрываться.

— Я закрываюсь, когда сама решу.

Она поставила перед ними две чашки и села напротив. Эллис достал блокнот, но Рид едва заметно покачал головой: он хотел, чтобы первый рассказ прозвучал без торопливого скрипа карандаша.

— В какой день вы увидели женщину?

— В субботу. Я закончила убирать столики и собиралась выключить свет. На улице уже стемнело, но фонарь напротив горел. Женщина стояла возле дома Артура Кейна.

— Она подошла к дому?

— Нет. Стояла через дорогу и смотрела на окно второго этажа. Долго. Я успела вымыть два стола, пока она не сдвинулась с места.

— Вы видели лицо?

— Когда она повернулась к свету. Только на мгновение.

— И решили, что это Маргарет Уиткомб?

Агнес сжала ручку чашки.

— Я знала Маргарет с тех пор, как мы вместе бегали к морю. Она умела смотреть на человека так, будто уже знала, что он соврал. И когда сердилась, чуть поднимала подбородок. Та женщина стояла точно так же.

— Вы давно видели Маргарет в последний раз?

— Двадцать семь лет назад. Вы ведь это знаете.

— Знаю. Но память не всегда сохраняет лицо без изменений. Иногда мы узнаём жест раньше, чем человека.

— Вы хотите сказать, что я придумала её?

— Нет. Я хочу понять, что именно позволило вам её узнать.

Агнес отвела взгляд к окну. На улице мимо прошёл мужчина с корзиной для рыбы, и она дождалась, пока его шаги стихнут.

— Самое страшное не сходство, инспектор. Она выглядела так, будто годы прошли мимо неё. Я видела Маргарет молодой. И женщина у дома была почти такой же.

Рид не стал возражать. Он попросил описать одежду, рост, походку, направление, в котором незнакомка ушла. Агнес отвечала увереннее, когда вопросы касались простых вещей. Серое пальто до колен. Светлый платок. Небольшая сумка. Ушла в сторону гавани, не оглядываясь.

— А Артур Кейн видел её?

— Штора наверху шевельнулась. Я не могу сказать, кто стоял за ней.

— Вы знакомы с мистером Кейном?

— Всю жизнь. Он работал в порту, пока здоровье позволяло. После смерти жены почти не выходит. Если кому и есть о чём вспомнить, так это Артуру.

Она произнесла последние слова тише. Рид почувствовал, что разговор подошёл к границе, за которой свидетелю уже трудно отличить собственные воспоминания от давних городских слухов.

— Вы говорили с Артуром после субботы?

— Нет. Я не хотела его пугать.

— Но вы испугались сами.

Агнес долго молчала.

— Да, — сказала она наконец. — Не потому, что увидела мёртвую. Потому, что вспомнила, как все мы тогда согласились не задавать вопросов.

Рид попросил пояснить, но хозяйка поднялась и подошла к стене с фотографиями.

— Посмотрите сюда.

На снимке старого причала стояли семеро человек. Молодой доктор Миллер держал в руке кепку. Рядом улыбалась Маргарет, положив ладонь на плечо высокого мужчины. Позади виднелось рыбацкое судно.

— Это Маргарет? — спросил Рид.

— Да. А мужчина рядом — Саймон Уиткомб, её муж. Он уехал после похорон. Не попрощался даже с теми, кто знал его с детства.

— Остальных назовёте?

Агнес коснулась края рамки.

— Артур Кейн. Роберт Фенвик. Остальных я помню хуже. Столько лет прошло.

Рид попросил разрешения сфотографировать снимок. Когда Агнес сняла рамку со стены, на обратной стороне обнаружилась надпись карандашом: «Последний рейс „Эстер“, август».

— Это название судна? — спросил он.

— Да. После шторма о нём говорили несколько недель. Потом перестали. В Грейхевене умеют переставать говорить.

На улице Эллис поднял воротник пальто и пошёл рядом с инспектором молча. Лишь у перекрёстка он произнёс:

— «Эстер» затонула в ту же ночь, когда пропала Маргарет.

Рид остановился под навесом.

— Вы не сказали мне этого в участке.

— Думал, вы уже знаете из архива.

— Я только начал читать архив. Если вы считаете что-то важным, говорите сразу. Иначе мы оба будем искать не то.

Эллис опустил глаза.

— Простите. Мой отец рассказывал о том шторме столько раз, что мне кажется, будто каждый здесь знает эту историю.

— Именно поэтому мы должны проверить её с начала. История, которую повторяют двадцать семь лет, иногда меняется сильнее, чем документы.

Через дорогу на втором этаже дома Кейна медленно опустилась штора. Рид заметил движение и не стал делать вид, что не заметил. Теперь он понимал, почему Агнес так долго смотрела на окно: в этом доме кто-то следил за улицей не менее внимательно, чем сама хозяйка чайной.

Глава 3. Последний рейс

Дом Артура Кейна стоял на тихой улице над гаванью. Дорожка к крыльцу была выложена неровными плитами;

в швах между ними рос мох. У входа висел старый корабельный фонарь, давно не зажигавшийся. Рид нажал кнопку звонка и услышал внутри слабый металлический треск.

Никто не открыл.

Эллис уже собирался постучать повторно, когда за дверью послышались медленные шаги. Щёлкнул замок. На пороге появился худой старик с аккуратно зачёсанными седыми волосами. Он не удивился, увидев полицию, но взгляд его сразу задержался на незнакомом лице Рида.

— Я говорил вашему участку, что ничего не видел, — сказал Артур Кейн.

— Я Томас Рид. Недавно прибыл в Грейхевен. Мы хотели бы поговорить о докторе Миллере и о судне «Эстер».

При названии судна Кейн сильнее сжал дверную ручку.

— Оно затонуло. На этом всё.

— Тогда беседа не займёт много времени. Мне нужно уточнить несколько обстоятельств.

— Вы полагаете, я обязан пускать вас в дом?

— Нет. Но, возможно, вы сами захотите объяснить, почему из дела о той ночи исчезли свидетельские показания.

Старик перевёл взгляд на Эллиса. Несколько секунд он стоял неподвижно, затем отступил в сторону.

— Проходите. Только не трогайте ничего на полках.

В прихожей пахло лекарствами и полированной древесиной. Стены были увешаны морскими картами, на которых тонкими линиями отмечались глубины и опасные камни. В

гостиной стояло кресло, развёрнутое к окну. Отсюда открывался вид на гавань и узкий проход между волнорезами.

— Вы каждый день смотрите на море? — спросил Рид.

— С тех пор как перестал выходить на лодке. Когда проживёшь у воды всю жизнь, трудно перестать проверять погоду.

На каминной полке стояла деревянная модель судна с тёмно-зелёным корпусом. Носовая часть была аккуратно подклеена.

— Хорошая работа, — сказал Рид. — Вы сделали её сами?

— Мой брат Джеймс. У него были терпеливые руки. Он мог целый вечер возиться с одной деталью.

— Он служил на «Эстер»?

Кейн кивнул.

— И погиб во время шторма?

— Так написали.

Рид не торопился задавать следующий вопрос. Старик смотрел на модель, словно пытался удержать в памяти не корабль, а того, кто его изготовил.

— Вы сомневаетесь в официальной записи? — наконец спросил инспектор.

— Я сомневаюсь в людях, которые её составили.

Эллис открыл блокнот, но Кейн раздражённо поднял руку.

— Не надо записывать каждое слово, будто я на суде. Я и без того слишком много лет прожил рядом с этой историей.

— Если вам удобнее, сначала просто расскажите, — предложил Рид. — Потом уточним даты и имена.

Кейн медленно сел в кресло. За окном ветер трепал мокрые ветви дерева, и на мгновение комната потемнела.

— В ту ночь море было чёрным. Не таким, как обычно перед дождём. Волны били в причал снизу, и доски дрожали под ногами. Мне сказали, чтоб «Эстер» уже далеко от берега. Но я видел её огни возле старого пирса.

— Насколько близко вы находились?

— На складской площадке. Оттуда было видно, как судно подошло к причалу. Я не мог различить лица всех людей, но видел, как их выводили на берег.

— Сколько человек?

— Не сосчитал. Несколько. Одного поддерживали под руки. Кто-то плакал. Я помню это лучше, чем ветер.

Рид представил узкий причал, раскачивавшиеся под дождём фонари и людей, которых спешно уводили в темноту.

— Маргарет была среди них?

— Была. Она спорила с капитаном. Я не слышал всех слов, но понял, что она не согласна с тем, что происходит. Доктор Миллер стоял рядом. Он смотрел на тех, кого вывели, и не вмешивался.

— А ваш брат?

Артур отвёл взгляд.

— Джеймс должен был быть на судне. После той ночи я его не видел.

— Вы обращались в полицию?

— Конечно. Сначала меня слушали. Потом сказали, что я перепутал огни и время. А через несколько дней сообщили, что судно погибло далеко от берега.

— Вы подписывали показания?

— Да. На двух страницах. Я даже исправил фамилию одного матроса, которую записали неверно.

— Этих страниц сейчас нет.

Кейн впервые посмотрел Риду прямо в глаза.

— Значит, не только я помню, что они существовали.

Рид подвинул стул ближе, но не сел вплотную. Он видел, как трудно старику возвращаться к рассказу, который тот годами старался не произносить вслух.

— Почему вы не пытались добиться повторного расследования?

— Пытался. Один раз. Потом у меня на пороге появился человек и объяснил, что несчастья случаются не только в море. У меня была жена. Брат пропал. Я решил, что хотя бы её смогу уберечь.

— Вы помните того человека?

— Помню. Но пока не назову.

— Вы понимаете, что это мешает нам?

— Понимаю. Только вам придётся провести здесь несколько дней, а мне — прожить остаток жизни.

Рид не ответил сразу. За годы службы он встречал свидетелей, которые лгали из выгоды, и тех, кто молчал из страха.

Артур, похоже, относился ко вторым, но это не делало его рассказ автоматически правдивым.

Снаружи послышался скрип гальки. Эллис подошёл к окну. На дорожке никого не было, лишь ветка шиповника задевала каменную стену.

— Вы ждёте кого-то? — спросил Рид.

Кейн резко задёрнул штору.

— Вчера мне позвонили. Женщина назвалась Маргарет. Сказала, что пора вернуть то, что мы забрали.

— Вы узнали голос?

— Сначала мне показалось, что да. Но голос по телефону обманывает. Она говорила тихо, словно не хотела, чтобы кто-нибудь рядом услышал.

— Вы сохранили звонок?

— Номер не определился. Я положил трубку раньше, чем успел что-то спросить.

— Почему вы не сообщили Эллису?

Артур долго разглаживал ладонью складку на брюках.

— Потому что я услышал похожий голос здесь, в городе, совсем недавно. Если это действительно Маргарет, значит, нам врали двадцать семь лет. А если нет — кто-то знает слишком много и хочет, чтобы я испугался.

Рид почувствовал, что это было самым честным из сказанного стариком за весь разговор.

— С чего нам начать проверку? — спросил он.

— Найдите настоящий журнал «Эстер». Не копию из пор-

тового архива. Там записали, когда судно действительно подошло к берегу.

— Где он?

— Если бы я знал, то давно бы сжёг его или передал тому, кому можно доверять. Иногда я сам не знаю, что было бы правильнее.

На крыльце Кейн задержал их ещё на минуту.

— Инспектор, я не прошу вас верить мне. Только не повторяйте того, что сделали прежние полицейские: не решайте заранее, кого нужно считать погибшим.

Рид кивнул. На влажной ступени у края дорожки отпечатался узкий след обуви. Каблук имел небольшую треугольную выемку — такую же, какую он видел на снимке с пляжа. Рид показал след Эллису, не произнося ни слова.

Они не знали, когда он появился и кому принадлежал. Но теперь у них была причина внимательно проверить, кто приходил к Артуру Кейну после смерти доктора Миллера.

Над гаванью сгущался туман. Город не выглядел более зловещим, чем утром. Он просто становился всё менее чужим — и от этого всё труднее было поверить, что его тайны можно раскрыть одним удачным вопросом.

Глава 4. Журнал без даты

На следующее утро Грейхевен казался выцветшим. Дождь прекратился, но с крыш всё ещё капало, а в переулках стоял холодный воздух, пахнувший водорослями и углём. Рид

вышел из гостиницы раньше назначенного времени. После разговора с Артуром Кейном ему не хотелось сразу возвращаться в участок: там любой вопрос неизбежно превращался в запись на листе бумаги, а он пока не понимал, какой из вопросов важнее.

У порта разгружали ящики со льдом. Рабочие перекликались через шум двигателя, стараясь не смотреть на человека в городском пальто. Рид задержался у причала, где, по словам Кейна, двадцать семь лет назад видели «Эстер». Вода здесь была мелкой; во время отлива обнажались чёрные камни. Судно с тяжёлым грузом не могло подойти к берегу без помощи местного проводника.

Эллис догнал его у здания архива.

— Я думал, вы уже внутри, сэр.

— Сначала хотел увидеть причал. Кейн сказал, что судно вернулось. А в официальном отчёте оно исчезло в открытом море.

— В Грейхевене любят преувеличивать. Особенно когда речь о старых историях.

— Возможно. Но если кто-то солгал тогда, важно понять, насколько удобной оказалась эта ложь для остальных.

Портовый архив занимал низкое каменное здание между мастерской по ремонту сетей и складом соли. Голубая краска на двери вздулась от сырости. За мутным стеклом виднелись стеллажи и высокий письменный стол. Смотритель, мистер Фелпс, открыл только после третьего стука. Он долго

возился с замком и всё время поглядывал через плечо, словно опасался, что посетители заметят беспорядок.

— Инспектор Рид, — представился Томас. — Это констебль Эллис. Нам нужны портовые документы за неделю гибели «Эстер».

Фелпс снял очки и протёр их уголком жилета.

— Неделю гибели? Вы говорите так, будто у нас была одна беда на весь год. Тогда шторм разметал половину побережья. У меня до сих пор есть бумаги о трёх лодках, которых так и не нашли.

— Мы не станем мешать вам больше необходимого.

— Так обычно говорят люди, которые остаются до закрытия.

Фелпс всё же впустил их. Внутри пахло влажной бумагой, древесиной и старым клеем. На полках стояли одинаковые коробки с датами, написанными разными чернилами. Рид заметил, что часть надписей исправлена поверх прежних. Здесь архивировали не только документы, но и ошибки.

Смотритель принёс тонкую папку.

— Журнала «Эстер» нет. Только выписка.

— Где оригинал?

— Его забрали после расследования. Под расписку.

Фелпс нашёл книгу выдачи и провёл пальцем по строке. Подпись принадлежала начальнику порта Хью Лэнгфорду, давно умершему. Рид попросил разрешения сфотографировать запись и заметил, что возле подписи отсутствует при-

вычный номер возвращённого документа.

— Вы помните, как он забирал журнал? — спросил Рид.

— Я тогда был помощником. Помню не самого Лэнгфорда, а его настроение. Он сердился, что страницы отсырели. Говорил, будто на бумаге проступает плесень.

— И больше не приносил?

— Не приносил. Когда я спросил, он велел мне заняться собственной работой.

Эллис разложил выписку на столе. В ней значилось, чтоб «Эстер» вышла до начала шторма и не вернулась. Но строки были заполнены одним почерком. Не было ни отметки капитана, ни обычной записи о проверке двигателя.

— Может быть, журнал переписали после гибели судна, — предположил Эллис.

— Могли. Но тогда должна существовать запись о том, с чего переписывали, — ответил Рид. — Иначе это не копия, а чья-то версия событий.

Фелпс, услышав последние слова, откашлялся.

— Я не утверждал, что она точная. Только что другой у нас нет.

Рид не стал давить на старика. Вместо этого попросил ведомости разгрузки за ту же неделю. Поиск занял почти час. Фелпс то и дело отвлекался, чтобы объяснить, почему некоторые папки оказались не на месте. Эллис помогал ему переставлять коробки, и постепенно смотритель перестал держаться так настороженно.

Нужный лист обнаружился среди накладных на рыбу. На нём значилась доставка шести ящиков медицинского оборудования на причал, которым обычно пользовались рыбаки. Получателем был указан доктор Эдвард Миллер.

— У доктора тогда была небольшая лечебница, — сказал Эллис. — Он помогал семьям моряков.

— Лечебница могла заказать оборудование, — согласился Рид. — Но почему его доставили сюда, а не к больничному входу?

Фелпс посмотрел на открытое окно. Снаружи раздался гудок грузовика.

— В те годы через гавань проходили разные грузы. Не все записывали под настоящими названиями.

— Вы говорите о контрабанде?

— Я говорю о том, что слово «оборудование» в накладной ещё не доказывает, что в ящиках были инструменты врача.

Рид перевернул лист. На обороте стоял штамп благотворительного фонда «Морской приют». Рядом, почти у края бумаги, кто-то карандашом написал: «М. У. отказалась подписывать».

— Кто мог сделать эту пометку? — спросил инспектор.

Фелпс наклонился, но не взял лист в руки.

— Не знаю. У Лэнгфорда был секретарь. У доктора — помощники. На причале работало много людей.

— Вы узнаёте почерк?

— Нет, — сказал старик слишком быстро. Потом добавил

тише: — Не уверен.

Рид оставил вопрос открытым. Он знал, что испуганный свидетель редко вспоминает больше после прямого нажима. Они сверили номер накладной с соседними записями, сфотографировали страницу и составили запрос на поиск оригинала журнала.

Когда инспектор собирался уходить, Фелпс неожиданно спросил:

— Вы ведь не думаете, что доктор Миллер был плохим человеком?

Рид остановился у двери.

— Я пока думаю, что он знал больше, чем рассказывал. Это не одно и то же.

— Он лечил мою жену бесплатно, когда я не мог заплатить. Люди помнят такое.

— И правильно делают. Но хорошие поступки не отменяют необходимости выяснить правду.

На крыльце лежал свежий букет белого вереска, завернутый в серую бумагу. Эллис заметил его первым.

— Здесь кто-то был, пока мы разговаривали.

Фелпс вышел следом и замер.

— Такие цветы носили к могиле Маргарет, — произнёс он. — Её мать приносила их каждую осень.

Рид присел, не касаясь букета. Бумага была влажной снаружи, но стебли внутри оставались сухими: цветы положили совсем недавно.

— Вы видели, кто подходил к двери?

— Нет. Из окна видно только дорогу.

Эллис прошёл к углу здания, но переулок был пуст. За складами кто-то катил тележку, и колёса дробно стучали по камням.

Рид ещё раз посмотрел на букет. Он не считал цветы угрозой и не хотел превращать каждый странный жест в улику. Но кто-то знал, что полиция придёт именно сегодня, и хотел напомнить о Маргарет.

— Составим список тех, кто знал о нашем визите, — сказал он Эллису.

— Нас двое. И мистер Фелпс.

— И любой, кто видел, как мы входили. Начнём с простого.

Они пошли вдоль гавани. Впереди между крышами проступало море. Рид чувствовал, что дело впервые обретает материальную форму: не только рассказы о женщине, похожей на погибшую, но накладная, пропавший журнал, шесть ящиков и подпись, от которой кто-то отказался. Пока эти детали не складывались в историю. Однако у каждой была дата, место и человек, которого можно было спросить.

Глава 5. Последняя пациентка

Кабинет доктора Миллера находился на первом этаже кирпичного дома недалеко от городской площади. На стекле двери всё ещё виднелись часы приёма. Кто-то прикрепил к

ручке маленькую чёрную ленту, а на подоконнике лежала открытка со словами благодарности, написанными неровным детским почерком.

Рид остановился перед дверью. В последние дни он слышал о Миллере слишком разные вещи. Для Фелпса тот был человеком, спасшим его жену. Для Артура Кейна — участником старой тайны. Для Эллиса — уважаемым врачом, смерть которого нарушила привычный порядок города. Ни одна из этих оценок не объясняла, почему доктор оказался один на пустынном берегу.

Клара Моррис, многолетняя помощница Миллера, встретила их в приёмной. Она была одета строго и держалась спокойно, но в голосе слышалась усталость.

— Я уже передала полиции список пациентов, с которыми он встречался в последние дни, — сказала она.

— Мы благодарны, мисс Моррис, — ответил Рид. — Сегодня хотим посмотреть старые записи. Нас интересует время после гибели «Эстер».

Клара перевела взгляд на Эллиса.

— Это ведь было очень давно.

— Именно поэтому нам важно не полагаться только на память, — сказал инспектор.

Она провела их в кабинет. На столе стояла лампа с зелёным абажуром. В стеклянном шкафу были аккуратно расставлены медицинские справочники, а возле окна — кресло с протёртыми подлокотниками. В комнате сохранялся запах

лекарств и старой кожи.

— Доктор не любил менять привычные вещи, — заметила Клара. — Даже когда кресло стало неудобным, он говорил, что в нём легче думать.

— Вы давно с ним работали?

— Почти всю взрослую жизнь. Сначала помогала по вечерам, потом стала вести приём и счета.

— Значит, вы знали, когда он принимал пациентов вне расписания?

Клара на мгновение задержала руку на дверце шкафа.

— Иногда. Но он не обязан был рассказывать мне всё.

Они приступили к работе только после того, как сверили разрешение на осмотр документов. Эллис переписывал номера папок, Рид просматривал даты и подписи. Большинство карточек были расположены по алфавиту. Иногда между ними встречались короткие записки: напомнить о лекарстве, зайти к пожилому пациенту, не брать денег с семьи рыбака.

Прошло больше часа, прежде чем Эллис нашёл в ящике со счетами тонкую тетрадь без обложки.

— Здесь нет названия, — сказал он. — И это не похоже на бухгалтерию.

Рид осторожно перелистнул первые страницы. На одной было написано: «Роуз Харпер». Ниже следовали медицинские наблюдения о восстановлении после переохлаждения и несколько дат, относящихся к годам после официальной гибели Маргарет Уиткомб.

Он не сразу показал запись Кларе.

— Марк, посмотрите на даты.

Эллис наклонился.

— Это позже кораблекрушения. Но имя другое.

— Именно. Пока мы знаем только, что доктор наблюдал пациентку по имени Роуз Харпер и хранил её записи отдельно.

Клара стояла у окна. Когда Рид произнёс имя, она повернулась.

— Роуз была замкнутой женщиной, — сказала она после паузы. — Она приезжала редко и не любила сидеть в приёмной.

— Вы её видели?

— Несколько раз. Доктор просил проводить её через боковую дверь, когда здесь было много людей.

— Почему?

— Он говорил, что она пережила тяжёлое событие и боится чужих вопросов.

Рид положил тетрадь на стол.

— Вы считали это обычным врачебным распоряжением?

— Тогда да. Теперь, когда вы смотрите на меня так, я уже не уверена.

— Я не обвиняю вас, мисс Моррис. Мне важно понять, что доктор скрывал и от кого.

Клара подошла ближе. В последней записи Рид прочёл: «Она снова спрашивает о брате. Не сообщать адрес, пока не

станет безопасно».

— О каком брате речь? — спросил он.

— Не знаю, — ответила Клара. — Я никогда не слышала его имени.

Рид не был уверен, что она сказала всё. Но заметил другое: Клара смотрела на запись не как на неожиданную находку, а как на знакомое обещание, которое давно перестало успокаивать.

После обеда они вышли из кабинета. Эллис хотел сразу ехать к Артуру Кейну, но Рид предложил зайти в библиотеку.

— Нам нужен кто-то, кто помнит фонд «Морской приют» вне полицейских отчётов, — объяснил он. — И желательно человек, которому тогда не платили за молчание.

Библиотека располагалась в бывшем доме учителя. Узкая лестница вела к читальному залу с высокими окнами. Мисс Беатрис Уорд, седоволосая библиотекарь, слушала их, сложив руки на раскрытой книге.

— «Морской приют»? — переспросила она. — Вначале все были им довольны. Собирали деньги для семей моряков, покупали уголь вдовам, помогали детям с одеждой. Потом люди стали спрашивать, почему пожертвований много, а помощи всё меньше.

— Кто занимался счетами?

— Разные люди. Но Маргарет Уиткомб часто приходила сюда сверять цифры. Она была внимательной. И упрямой.

Беатрис поднялась и достала с верхней полки старую папку с газетными вырезками. На одном снимке несколько добровольцев стояли у столика для пожертвований. Маргарет была молода, серьёзна и смотрела не в камеру, а на человека рядом.

— Она приходила к вам перед исчезновением? — спросил Рид.

— Да. Принесла копии бумаг и попросила сохранить их, пока не разберётся в одном деле. Я согласилась. А через несколько дней пришёл мужчина с полицейским удостоверением и сказал, что документы нужны следствию.

— Вы запомнили его имя?

Беатрис покачала головой.

— Я тогда решила, что помогаю. Это было самое обидное. Я даже не попросила расписку.

Она провела ладонью по краю папки.

— Иногда человек совершает ошибку не потому, что не видит опасности, а потому, что слишком хочет верить в порядок.

Рид поблагодарил её и уже собирался уходить, когда она добавила:

— На похоронах Маргарет доктор Миллер стоял за воротами кладбища. Я видела его из окна автобуса. Он плакал, но к могиле не подошёл.

— Вы говорили с ним после?

— Нет. Тогда мне казалось, что он просто скорбит. Теперь

не знаю, что думать.

Вечером город укрыла густая дымка. Рид вышел из библиотеки один: Эллис остался записывать сведения о фонде. Через дорогу, у закрытой лавки, стояла женщина в сером пальто. Она не пряталась, но и не делала попытки подойти.

Рид остановился. Женщина повернула голову, и на мгновение ему показалось, что она ждёт, пока он её заметит. Он пересёк улицу, не ускоряя шага. Но за углом никого уже не было.

Он прошёл до следующего перекрёстка. Двери магазинов были закрыты, у тротуара стояла пустая машина. На мокрых плитах виднелись несколько следов узких каблуков, но они быстро терялись среди отпечатков прохожих.

Рид не стал бежать за призраком собственного предположения. Он вернулся к библиотеке и записал время, одежду женщины и направление её ухода. Увиденное могло оказаться случайностью. Но теперь он понимал, почему Агнес Прайс так трудно было говорить о незнакомке без страха: туман не делал людей невидимыми, он лишь лишал наблюдателя уверенности в том, что тот действительно видел.

Глава 6. Голос на плёнке

Артур Кейн согласился на новую встречу только после того, как Эллис по телефону назвал «Морской приют». Старик не стал объяснять почему. Он попросил приехать до вечера и положил трубку, не попрощавшись.

Дорога к его дому проходила над гаванью. Рид шёл пешком, держа в кармане записную книжку. За день он успел перечитать пометку на накладной — «М. У. отказалась подписывать» — столько раз, что буквы начали терять смысл. Он хотел услышать от Кейна не очередную историю о женщине, похожей на покойницу, а рассказ о конкретных людях, которые работали на «Эстер».

Артур открыл почти сразу. На нём был тёплый шерстяной жилет, а лицо казалось ещё более осунувшимся, чем при первой встрече.

— Проходите, — сказал он. — Только сегодня не спрашивайте, верю ли я в мёртвых. Мне надоело отвечать на этот вопрос.

— Я собирался спросить о живых, — ответил Рид.

Старик впервые едва заметно улыбнулся.

В гостиной пахло чаем и дымом из камина. Деревянная модель судна стояла на прежнем месте, но её носовая часть была снята. Рид заметил это и ничего не сказал. Кейн проследил за его взглядом.

— Клей разошёлся, — объяснил он. — Старые вещи требуют внимания.

Они сели напротив друг друга. Некоторое время оба молчали. За окном набережная медленно пустела; редкие прохожие торопились домой до наступления темноты.

— Вы знали, что через «Морской приют» проходили деньги от перевозок? — спросил Рид.

Кейн не ответил сразу. Он повернул чашку так, чтобы скол на краю оказался от него подальше.

— Я знал, что фонд помогал не всем, кому обещал. Тогда в порту говорили о людях, которым предлагали работу в других городах. Они платили за дорогу, а потом исчезали из списков. Никто толком не понимал, куда они уезжали.

— Вы видели этих людей?

— Нескольких. Молодого мужчину с больной рукой. Женщину с ребёнком. Они были не похожи на пассажиров прогулочного судна.

— А ваш брат Джеймс?

Артур посмотрел на модель.

— Джеймс служил механиком на «Эстер». Он умел чинить двигатель даже тогда, когда другие уже собирались бросить машину. И он слишком долго верил людям, которые обещали платить вовремя.

— Он знал о перевозках?

— В конце концов узнал. Но не сразу. Когда понял, что происходит, хотел уйти.

Рид подождал. Артур говорил медленно, словно каждое предложение приходилось вытаскивать из памяти вместе с тем, что он старался забыть.

— Маргарет вела счета фонда, — продолжил старик. — Она обнаружила, что пожертвования смешивают с деньгами за проезд. Сперва решила, что бухгалтеры ошиблись. Потом нашла одни и те же фамилии в двух разных ведомостях.

— Она кому-нибудь сказала?

— Джеймсу. Он показал ей записи судна. В ту ночь Маргарет потребовала вернуть людей на берег, пока шторм не усилился. Джеймс помогал ей. Потом их обоих объявили погибшими.

— Вы видели брата после той ночи?

Кейн сжал губы.

— Я видел судно. Этого я вам уже говорил.

— Я помню. Но сейчас спрашиваю о Джеймсе.

Старик поднялся и подошёл к окну. Рид не торопил его. За стеклом на воде покачивались огни, похожие на обрывки золотой нити.

— Я слышал его голос на причале, — произнёс Артур наконец. — Но в темноте нельзя быть уверенным. Море возвращает звуки странным образом.

— Что он сказал?

— Позвал меня по имени. Я побежал к лестнице, но там никого не было.

Рид записал ответ, не пытаясь решить, был ли это настоящий голос или память, наложившаяся на шум прибоя.

Артур вернулся к креслу и достал из ящика небольшой кассетный магнитофон.

— Вчера мне звонили. Я включил запись, когда понял, о чём спрашивают.

— Вы часто записываете разговоры?

— После смерти Миллера — да. Люди стали говорить так,

будто каждый звонок может оказаться последним.

Кейн нажал кнопку. Сначала раздалось сухое потрескивание, затем щелчок и негромкий женский голос:

«Артур, верните журнал. Хватит делать вид, будто ничего не произошло».

Запись оборвалась. Старик не выключал магнитофон ещё несколько секунд, словно надеялся услышать продолжение.

— Вы узнали голос? — спросил Рид.

— Мне показалось, что да.

— Чей?

— Женщины, которая недавно была в чайной Агнес. Я услышал, как она представилась племянницей Маргарет.

— Назвала имя?

— Эвелин Уиткомб.

Рид повторил имя вслух, проверяя, не ослышался ли.

— Вы знали Эвелин раньше?

— Только по рассказам. Она должна быть моложе той женщины, которую я видел. А незнакомка выглядела почти как Маргарет на старой фотографии.

— Почти — важное слово, мистер Кейн.

— Для вас, может быть. А мне на миг показалось, что я снова стою на причале двадцать семь лет назад.

Артур посмотрел на свои руки. Рид заметил, как сильно они дрожат, и понял, что старик боится не столько чужого голоса, сколько собственных воспоминаний.

— Давайте отделим то, что вы знаете, от того, что вам по-

казалось, — сказал инспектор. — Вы слышали имя Эвелин. Вы видели женщину, похожую на Маргарет. Вы получили звонок с требованием вернуть журнал. Пока ничто не доказывает, что всё это связано с одним человеком.

— Вы умеете делать страшные вещи обыкновенными.

— Нет. Я стараюсь не делать обыкновенные вещи страшнее, чем они есть.

Кейн неожиданно рассмеялся — коротко, без веселья.

— Тогда вам здесь будет трудно.

Рид попросил разрешения забрать копию записи для проверки. Артур согласился, но настоял, чтобы оригинальная кассета осталась у него до оформления расписки. Эллис, которого Рид вызвал по телефону, приехал с оборудованием и аккуратно переписал запись, отметив время и состояние плёнки.

Когда работа закончилась, Кейн проводил их до двери.

— Вы всё равно не найдёте журнал в архиве, — сказал он.

Рид остановился.

— Откуда вы знаете?

Старик посмотрел мимо него, на узкую дорожку.

— Потому что не все документы попадали туда, где им полагалось быть.

— Вы храните что-то у себя?

— Я сказал только то, что сказал, инспектор.

Рид не стал возвращаться в гостиную без приглашения. Он видел, что ещё один вопрос сейчас закроет разговор

окончательно.

— Если решите рассказать больше, позвоните мне напрямую, — сказал он. — Не обязательно ждать, пока кто-то другой снова попросит вас молчать.

Они ушли. Когда шаги стихли, Артур вернулся к камину. Он долго смотрел на деревянную модель «Эстер», затем снял её с полки. Внутри корпуса, под узкой съёмной планкой, лежал сложенный лист бумаги. На нём были имена, даты и подписи. Внизу значилось: «Оригинал передан Дж. К.».

Артур развернул лист, но прочесть его до конца не успел. Из сада донёсся женский голос — тихий, почти потерявшийся в шуме ветра:

— Артур, не открывай дверь.

Он застыл, держа бумагу в руках. Потом медленно подошёл к окну и отодвинул занавеску.

За стеклом никого не было. Только влажная дорожка, тёмные кусты и пустая калитка, качавшаяся на ветру.

Впервые за много лет Артур подумал не о том, как сохранить обещание, данное брату, а о том, сколько ещё людей могут пострадать из-за этого обещания.

Глава 7. Ошибка в свидетельстве

С утра дождь шёл почти бесшумно. В кабинете Эллиса было тепло, но стекло окна оставалось холодным и мутным. Томас Рид стоял у стола, пока констебль раскладывал документы, доставленные из окружного архива.

— Вы сказали по телефону, что нашли несоответствие, — напомнил Рид.

— Нашёл не я. Архивистка заметила, что в старом свидетельстве о смерти две разные подписи. И решила проверить, кто за что отвечал.

Эллис подвинул к нему лист. Доктор Эдвард Миллер подписал медицинское заключение. В графе об опознании стояло другое имя: Хью Лэнгфорд, тогдашний начальник порта.

Рид внимательно прочитал обе записи, затем ещё раз сверил даты.

— Мы всё время говорили, будто Миллер лично установил, кто погиб, — сказал он. — А документ этого не подтверждает.

— Но он подписал свидетельство.

— Подписал. И это серьёзно. Только мы должны различать две вещи: что врач действительно видел и что ему сообщили.

Эллис задумчиво постучал карандашом по столу.

— Если Лэнгфорд ошибся…

— Или солгал. Но пока это два предположения, и ни одно нельзя считать доказанным.

Они отправились на кладбище, расположенное над северной частью города. Дорога поднималась между каменными стенами, покрытыми мхом. За ними темнели сады; на голых ветвях дрожали капли. Рид шёл медленно, стараясь представить, сколько людей за двадцать семь лет поднималось сюда

с уверенностью, что Маргарет Уиткомб покоится под одним из старых тисов.

Смотритель кладбища, мистер Хьюз, встретил их у сарая для инструментов. Он оказался человеком разговорчивым, но говорил осторожно, будто не хотел задеть память покойных.

— Могила Уиткомб? Конечно, покажу. Только не ждите, что я расскажу вам что-нибудь о той ночи. Тогда я здесь ещё не работал.

Могильная плита стояла в тени большого дерева. Буквы на ней потемнели, но имя Маргарет оставалось различимым. У основания лежали белые цветы. Рид вспомнил букет у портового архива и присел, чтобы рассмотреть стебли. Эти цветы были старше, края лепестков уже побурели.

— Их принесли недавно? — спросил он.

— Недели две назад, может, чуть больше. Приходила женщина. Долго стояла, потом достала из сумки лист бумаги и начала сверять надпись.

— Она молилась?

— Нет. По крайней мере, я не слышал. Она выглядела так, словно искала ошибку в документе.

— Вы с ней говорили?

Хьюз почесал щёку.

— Спросил, родственница ли она. Не люблю беспокоить людей возле могил, но она явно была приезжая. Ответила: «В некотором смысле». А потом поблагодарила меня и ушла.

Рид попросил описать посетительницу. Хьюз вспомнил серое пальто, платок и трость, но не смог уверенно назвать возраст.

— В тумане все кажутся старше, — сказал он. — Особенно если смотреть со стороны.

Эллис записал слова смотрителя. Рид остался у плиты ещё на минуту. Он думал о том, что надпись на камне способна превратить предположение в общеизвестный факт. Десятилетиями люди приходили сюда с цветами, не зная, кого именно оплакивают.

На обратном пути Эллис сообщил, что удалось установить личность Эвелин Уиткомб. Женщина с таким именем действительно жила в Бристоле и приходилась родственницей Маргарет. Однако её фотография не совпадала с описанием незнакомки.

— Значит, Артур ошибся? — спросил Эллис.

— Возможно. Он сказал, что услышал имя. Нам ещё предстоит выяснить, кто и при каких обстоятельствах его произнёс.

Вечером они снова зашли в чайную Агнес Прайс. Посетителей почти не осталось. Агнес убирала чашки, и при виде инспектора вздохнула.

— Надеюсь, сегодня вы хотя бы выпьете чай. В прошлый раз он остыл, пока вы задавали вопросы.

— Сегодня постараюсь исправиться, — ответил Рид.

Он дождался, пока она принесёт чайник, и только потом

показал фотографию Эвелин.

Агнес надела очки и поднесла снимок к лампе.

— Нет, — сказала она наконец. — Эта женщина моложе. И лицо другое.

— Можете вспомнить посетительницу подробнее? Не только одежду. Как она держалась, что спрашивала?

Агнес опустилась на стул напротив.

— Она вошла перед закрытием. Я предложила ей место у печки, но она выбрала столик возле окна. Спросила, жив ли Артур Кейн. Потом — где находится кладбище. И ещё интересовалась, кто теперь ведёт дела доктора Миллера.

— Она говорила о Маргарет?

— Имя прозвучало, когда я заметила её трость. Похожая когда-то была у семьи Уиткомб. Я сказала об этом, и женщина так резко подняла голову, что я пожалела о своих словах.

— Что она ответила?

— «Некоторые вещи переходят по наследству». И больше ничего.

Рид посмотрел на Эллиса. Ни одно из этих слов не доказывало, что незнакомка выдавала себя за Эвелин. Но они объясняли, почему город так быстро связал её с прошлым.

— А трость? — спросил инспектор.

— Тёмное дерево, серебряный наконечник. Очень старая, но ухоженная.

Агнес помолчала и добавила:

— Она не выглядела опасной, мистер Рид. Скорее так,

словно приехала туда, куда много лет не решалась вернуться.

Инспектор поблагодарил её. Когда они вышли на улицу, Эллис остановился у фонаря.

— Как вы думаете, она искала Маргарет или знала, что та жива?

— Пока я думаю о другом, — сказал Рид. — Если свидетельство составили без надёжного опознания, кто-то мог узнать об этом сразу. И кому-то понадобилось, чтобы остальные не узнали никогда.

Он поднял воротник пальто. Внизу, у гавани, туман сгущался, скрывая свет между домами. Впереди было ещё слишком много неизвестного, но теперь одна из самых старых записей в деле перестала казаться бесспорной.

Глава 8. Шесть ящиков

Дом престарелых находился за городом, на дороге к Бодмину. Рид и Эллис приехали после полудня, когда дождь сменился холодным ветром. За невысокой оградой росли яблони, давно сбросившие листву. В окнах отражалось бледное небо.

Администратор встретила их настороженно. Она попросила удостоверения, затем объяснила, что мистер Саймон Белл не любит посетителей и может отказаться от беседы.

— Мы не собираемся его принуждать, — сказал Рид. — Но речь идёт о событиях, в которых он, возможно, участвовал. Нам важно дать ему возможность рассказать свою вер-

сию.

Белл сидел в кресле у окна общей гостиной. Он был худым, с длинными пальцами и внимательными глазами, которые совершенно не соответствовали его беспомощному виду. На коленях лежала газета, раскрытая на странице с некрологами.

— Вы из Грейхевена, — сказал он прежде, чем инспектор представился.

— Да. Меня зовут Томас Рид. Это констебль Марк Эллис.

— Я знаю, кто вы. Здесь читают газеты.

Рид сел напротив, оставив между ними низкий столик.

— Тогда вы, вероятно, знаете, почему мы приехали.

— Потому что умер доктор Миллер. И теперь все решили, что старые люди обязаны вспомнить всё, чего не смогли доказать молодыми.

В его голосе слышалась горечь. Рид не стал спорить.

— Мы нашли портовую накладную. Шесть ящиков, доставленных на причал после шторма. Получателем указан Миллер.

Белл медленно сложил газету.

— Доктор не получал эти ящики, — сказал он.

— Вы уверены?

— Он приехал, когда их уже открыли.

— Кто?

— Люди Лэнгфорда.

Эллис приготовился записывать. Белл заметил движение

и раздражённо поднял руку.

— Не пишите, пока я не закончу. В прошлый раз записали половину, а другую половину сочли ненужной.

Рид кивнул Эллису.

— Мы выслушаем вас полностью. Потом уточним детали.

Белл смотрел в окно так долго, что инспектор начал опасаться: разговор закончился. Наконец старик заговорил.

— В ящиках были не инструменты. Одежда, деньги, бумаги. Личные вещи людей, которых перевозили на «Эстер». Всё сложили вместе, будто это был обычный груз. Я должен был проверить счета фонда и поставить подпись, что имущество принято на хранение.

— Вы подписали?

— Да.

— Почему?

Белл повернулся к нему.

— Потому что мне сказали, что люди спасены, а вещи будут возвращены владельцам. Я хотел верить этому. И потому что у меня была жена, двое детей и работа, которую я боялся потерять.

Он замолчал, с усилием сглотнул и продолжил:

— Потом Лэнгфорд велел уничтожить часть бумаг. Я спросил, как же мы вернём имущество. Он ответил, что возвращать уже некому.

— Вы видели, как уничтожали документы?

— Некоторые. Остальное увезли в фургоне. Я не знаю ку-

да.

Рид положил на стол копию накладной.

— Здесь карандашом написано: «М. У. отказалась подписывать». Это о Маргарет Уиткомб?

Белл долго смотрел на буквы.

— Да. Она обнаружила расхождения в счетах ещё до шторма. Когда ей принесли бумаги, она отказалась подтверждать, что груз был медицинским.

— Кто сделал пометку?

— Я. Чтобы потом помнить, что не все согласились.

Впервые за время разговора его голос дрогнул.

— Маргарет была храбрее нас. Это не помогло ей.

— Что случилось с ней после шторма?

— Не знаю. Мне сказали, что погибла. Потом я услышал другое, но уже не понимал, чему верить.

Белл открыл ящик прикроватной тумбы, стоявшей рядом с креслом, и достал фотографию. На ней у пирса стояли Маргарет, Джеймс Кейн и молодая женщина, лица которой Рид раньше не видел.

— Нора Вейл, — сказал Белл, коснувшись края снимка. — Она была среди тех, кого перевозили. После шторма её имя исчезло из всех списков.

— Вы знаете, что с ней стало?

— Нет. Лэнгфорд говорил, что нашли тело женщины и опознали Маргарет. Но я не видел ни тела, ни врача рядом с ним. Позднее я понял, что это могла быть Нора. А могла

и не быть.

Рид поднял взгляд. Это признание было важнее удобной уверенности.

— Почему вы раньше никому не рассказали?

— Я рассказывал. Не всё, но достаточно, чтобы меня перестали приглашать на собрания фонда. Потом пришёл человек и объяснил, что мои дети будут жить спокойнее, если я займусь своими делами.

— Вы помните его имя?

Белл отвёл глаза.

— Помню. Но сначала хочу знать, кто сможет защитить меня, если я его назову.

Рид не дал обещания, которого не мог выполнить. Он объяснил, какие меры полиция вправе предложить свидетелю, и попросил время, чтобы согласовать их. Белл выслушал внимательно. На прощание он позволил сфотографировать снимок, но оригинал оставил у себя.

Обратно они ехали почти молча. Эллис следил за дорогой, Рид перечитывал записи.

— Вы заметили, что он всё время говорил «они»? — спросил Эллис.

— Заметил. Пока он не готов назвать людей. Но сегодня он подтвердил существование груза и собственную подпись. Это уже можно проверить.

На повороте у старой каменоломни Эллис посмотрел в зеркало.

— За нами фургон. Тёмный. Держится на одном расстоянии с самого дома.

— Не меняйте скорость. Запомните номер, если увидите.

Фургон некоторое время следовал за ними, затем проехал прямо, когда Эллис свернул к участку. Номер оказался частично закрыт грязью. Рид записал то, что удалось различить, и попросил проверить машины похожего типа. Он не хотел объявлять слежкой всякое совпадение на дороге, но после слов Белла пренебрегать осторожностью было бы глупо.

В участке их ждала Клара Моррис. Она стояла у стойки дежурного с мокрым зонтом и выглядела раздражённой.

— В кабинете доктора побывал кто-то посторонний, — сказала она. — Тетради Роуз Харпер нет.

Рид попросил её пройти в комнату для бесед.

— Когда вы видели тетрадь в последний раз?

— Вчера утром.

— Кто имеет ключи?

Клара перечислила себя, родственника доктора и управляющего аптекой. Затем остановилась.

— Ещё один ключ хранился в кабинете, но я не проверяла, на месте ли он.

— Дверь повреждена?

— Нет.

Рид некоторое время смотрел на неё. Клара выдержала взгляд, но крепче сжала ручку зонта.

— Мисс Моррис, — сказал он мягче, — если вы знаете, где тетрадь, сейчас самое время сказать. Нам важнее сохранить записи, чем выяснить, кто первым взял их со стола.

Она медленно выдохнула.

— Я не могу говорить здесь.

Эллис поднялся, чтобы закрыть дверь. За окном начинало темнеть.

— Тогда выберем место, где вам будет спокойнее, — ответил Рид. — Но сегодня мы должны разобраться с этой тетрадью.

Клара кивнула, не поднимая глаз. Инспектор понял, что следующим разговором станет не допрос подозреваемой, а попытка убедить человека, много лет хранившего чужую тайну, перестать бояться её последствий.

Глава 9. Женщина в сером

Коттедж Клары Моррис стоял за церковью, в узком переулке, куда почти не доходил свет уличных фонарей. В саду рос старый розовый куст; мокрые ветви касались оконного стекла. Клара открыла дверь сама и пригласила полицейских в небольшую гостиную, где пахло лавандой и свежезаваренным чаем.

— Я понимаю, как всё выглядит, — сказала она, когда они сняли пальто. — Доктор умер, а его помощница унесла документы.

— Именно поэтому лучше рассказать нам, что произо-

шло, — ответил Рид.

Клара поставила на стол три чашки. Руки её были спокойны, но она долго выравнивала блюдца, прежде чем сесть.

— Тетрадь у меня. Я забрала её после того, как узнала, что кто-то спрашивал о старых пациентах доктора. Мне казалось, что записи уничтожат.

— Почему вы не сообщили полиции?

— Потому что однажды я уже поверила, что полиция обязательно поможет.

Она произнесла это без вызова. Рид не перебивал.

Клара поднялась, достала из книжного шкафа тонкую тетрадь и положила её перед инспектором.

— Я ничего не вырывала и не исправляла. Вы можете проверить.

Рид перелистнул страницы. В них действительно сохранялись записи о Роуз Харпер, которую Миллер наблюдал после тяжёлого переохлаждения. Последние посещения были редкими, а затем прекратились.

— Вы знали её настоящее имя? — спросил он.

Клара посмотрела на него прямо.

— Маргарет Уиткомб.

Эллис отложил карандаш. Даже после всех найденных несоответствий услышать имя вслух было странно.

— Когда вы узнали? — спросил Рид.

— Не сразу. Доктор называл её Роуз, и я не задавала вопросов. Но однажды она пришла с дочерью. Девочка была

совсем маленькой, испугалась грозы и заплакала в приёмной. Женщина стала её успокаивать, назвала себя Маргарет, а потом поняла, что я слышала.

— И что произошло?

— Ничего. Она попросила меня забыть это имя. Я обещала.

Клара на мгновение прикрыла глаза.

— Тогда мне казалось, что я делаю доброе дело.

Рид подождал, пока она продолжит.

— Доктор помог Маргарет скрыться после шторма. Она была жива, но боялась людей, которые распоряжались перевозками и деньгами фонда. Он устроил ей лечение под другим именем, а потом помог уехать. Впоследствии она приезжала редко.

— Вы поддерживали с ней связь?

— Через доктора. Последний раз я видела её около десяти лет назад.

— А женщину в сером пальто, которую заметили на набережной?

Клара отвела взгляд к окну.

— Я думала, это её дочь, Рут. Она очень похожа на мать, особенно когда стоит молча.

— Вы с ней говорили?

— Нет. Видела издалека.

Рид записал ответ. Ему не нравилось, как легко в этом городе узнавание превращалось в уверенность. Он попросил

Клару рассказать о последней неделе жизни Миллера.

— Он был встревожен, — сказала она. — Не из-за болезни. Ему звонили. После одного разговора он долго сидел с выключенной лампой. Я предложила вызвать полицию, но он сказал, что не знает, кому доверять.

— Он назвал человека, которого опасался?

— Нет. Но сказал, что некоторые из тех, кто тогда принимал решения, по-прежнему обладают влиянием.

Клара открыла конверт, лежавший между страницами тетради. Внутри была фотография пожилого мужчины у нового причала.

— Доктор оставил её отдельно. На обороте написал: «Счета фонда». Я не знаю, хотел ли он обвинить этого человека или собирался с ним встретиться.

Эллис узнал Саймона Белла.

— Мы разговаривали с ним сегодня, — сказал он.

— Значит, вы понимаете, почему я боялась, — ответила Клара. — Я не знаю, кто говорит правду.

Рид осторожно положил снимок рядом с тетрадью.

— И мы пока не знаем. Но у нас появляется возможность сравнить документы и рассказы, а не выбирать того, кто звучит убедительнее.

В дверь постучали.

Клара вздрогнула так сильно, что расплескала чай. Эллис подошёл к окну, но из-за отражения лампы ничего не увидел. Рид поднялся и попросил Клару остаться в гостиной. Он сам

открыл дверь.

На пороге стояла высокая женщина в сером пальто. Волосы её были влажными от тумана, а в руке она держала старую трость с серебряным наконечником.

— Инспектор Рид? — спросила она.

— Да.

— Меня зовут Рут Харпер. Я ищу доктора Миллера. Мне сказали, что его помощница живёт здесь.

— Доктор умер, — тихо ответил Рид.

Женщина опустила глаза. Некоторое время она не двигалась.

— Я знала, — произнесла она наконец. — Но всё равно надеялась, что произошла ошибка.

Рид пригласил её войти. Рут остановилась у порога гостиной, заметив Клару и Эллиса.

— Вы полицейские?

— Мы расследуем обстоятельства смерти доктора и события, связанные с «Эстер», — сказал Рид. — Если вы готовы говорить, нам нужно задать вам несколько вопросов.

Рут медленно села. Трость поставила рядом с креслом, но руки с неё не убрала.

— Я слышала, вы встречались с Саймоном Беллом.

— Сегодня днём.

— Тогда не верьте всему, что он рассказал. Он знал гораздо больше, чем признаёт.

— Что именно?

— Моя мать вернулась в Грейхевен три дня назад. Она хотела встретиться с доктором и получить бумаги, которые он обещал сохранить. После этого я потеряла с ней связь.

Рид почувствовал, как привычный порядок вопросов меняется. До сих пор он выяснял, была ли Маргарет жива после кораблекрушения. Теперь перед ним сидела её дочь и говорила о новом исчезновении.

— Когда вы видели мать в последний раз? — спросил он.

— Утром в пансионе. Она надела серое пальто и сказала, что вернётся к обеду.

Клара посмотрела на одежду Рут.

— Такое же, как у вас?

— Это её пальто. Я взяла его из комнаты, когда она не вернулась. Хотела спросить у людей, не видели ли они женщину в такой одежде.

Рид вспомнил рассказы Агнес и смотрителя кладбища. Возможно, разные свидетели видели двух женщин, похожих друг на друга, и невольно смешали их приметы.

— Вы представлялись Эвелин Уиткомб? — спросил он.

— Нет. Я спрашивала об Эвелин. Она наша родственница. Возможно, кто-то услышал имя и решил, что оно моё.

Рид не стал спорить с объяснением. Его ещё предстояло проверить.

— Почему ваша мать вернулась именно сейчас?

Рут долго смотрела на трость, прежде чем ответить.

— Ей сообщили, что умер человек, который хранил для

неё доказательства. Она боялась, что после его смерти бумаги попадут не в те руки.

— Кто этот человек?

— Джеймс Кейн.

Эллис поднял голову.

— В Грейхевене считают, что Джеймс погиб много лет назад.

— Моя мать знала другую историю, — сказала Рут. — Но не успела рассказать её мне полностью.

За окном ветер тронул ветви розового куста. Клара сидела неподвижно. Рид чувствовал, что каждый из присутствующих знает лишь часть прошлого и что поспешное заключение сейчас может причинить вред человеку, которого они ещё не нашли.

— Мы начнём с вашего пансиона, — сказал он Рут. — Вы покажете нам комнату матери и расскажете обо всех её встречах после приезда. А затем вернёмся к тому, что вы знаете о Джеймсе Кейне.

Рут кивнула. Впервые с момента появления она отпустила трость.

— Я согласна. Только прошу вас: не называйте мою мать призраком. Она слишком долго старалась доказать, что существует.

Рид закрыл записную книжку.

— Я не собираюсь, мисс Харпер. Мы будем искать живого человека.

Он произнёс это спокойно, но, выходя из коттеджа в холодный туман, понимал: теперь дело касалось не только старого свидетельства о смерти. Кто-то исчез совсем недавно, и времени на поиски у них могло оказаться меньше, чем казалось.

Глава 10. Та, что вернулась

Когда Рут Харпер назвала имя Джеймса Кейна, в гостиной Клары стало так тихо, что Рид услышал тиканье часов на каминной полке. Эллис первым нарушил молчание.

— Простите, мисс Харпер. Вы уверены, что речь именно о Джеймсе Кейне? Брате Артура?

— Мама всегда называла его полным именем. Она говорила, что он помог ей выбраться с «Эстер».

— По документам он погиб в ту ночь.

Рут устало провела рукой по лицу.

— В этом городе, кажется, слишком многие погибли только на бумаге.

Рид не стал ни соглашаться, ни возражать. Он попросил Клару принести ещё одну чашку чая, а Рут — начать рассказ с приезда в Грейхевен. Не с исчезновения матери, не с Джеймса и не с последних тревожных слухов, а с того утра, когда они собрали чемоданы.

Рут посмотрела на него с удивлением.

— Это действительно важно?

— Мы ищем вашу мать. Мне нужно знать, что она со-

биралась делать, чего опасалась и с кем хотела встретиться. Иногда обычная подробность объясняет больше, чем самое страшное предположение.

Они приехали в понедельник. Маргарет выбрала пансион у старого моста, хотя Рут предлагала гостиницу в центре. Мать настояла на двух комнатах с окнами во двор. По дороге почти не говорила, а увидев первые дома Грейхевена, попросила водителя остановиться у церкви. Несколько минут смотрела на улицу, по которой когда-то ходила молодой женщиной.

— Она плакала? — тихо спросила Клара.

— Нет. В этом-то и дело. Мама умеет скрывать страх так хорошо, что иногда я замечаю его только потом.

Во вторник Маргарет вышла после завтрака. На ней было серое пальто, а с собой она взяла небольшую сумку. Сказала, что должна увидеть доктора Миллера и ещё одного человека, имени которого не назвала. К обеду обещала вернуться.

— И не вернулась, — произнёс Эллис.

— Я ждала до вечера. Сначала сердилась. Потом начала звонить в больницы. Ночью пошла в полицию.

Рут достала из сумки квитанцию с номером обращения. Эллис внимательно изучил её и заметно смутился.

— Здесь записано, что ваша мать могла уехать по собственному желанию.

— Так мне и сказали. А когда я назвала имя Маргарет Уиткомб, дежурный решил, что я путаю его с какой-то ста-

рой историей. Он даже спросил, не читала ли я слишком много газет.

— Мы проверим, как приняли ваше заявление, — сказал Рид. — Но сейчас сосредоточимся на поисках.

Он попросил показать фотографию. На снимке Маргарет сидела в саду, держа на коленях раскрытую книгу. Возраст изменил её лицо, но выражение глаз оставалось прямым и внимательным. Рид положил рядом газетную вырезку с молодой Маргарет. Сходство было очевидным, хотя он знал, как опасно полагаться только на фотографии.

— Когда сделан новый снимок?

— В прошлом месяце. У нас дома.

— Вы позволите оставить копию для ориентировки?

— Конечно. Только не показывайте его всем подряд. Мама всю жизнь боялась, что её найдут.

Клара, до сих пор слушавшая молча, заговорила о последних днях Миллера. Доктор заранее попросил достать карточки Роуз Харпер. Он несколько раз перечитывал их, а затем велел приготовить конверт с давними записями.

— Он был взволнован, — сказала она. — Не так, как человек перед встречей со старым другом. Скорее так, будто должен наконец признаться в поступке, о котором сожалел всю жизнь.

— Он называл человека, которого боялся? — спросил Рид.

— Однажды сказал, что слишком долго платил за молча-

ние. Я не знаю, имел ли он в виду деньги. Возможно, он говорил о том, какой ценой обходится тайна.

Рут подняла голову.

— Мама тоже так говорила.

Рид повернулся к ней.

— Что именно?

— Что молчание никогда не бывает бесплатным. Просто платит за него не всегда тот, кто молчит.

Некоторое время они обсуждали Джеймса Кейна. Рут рассказала, что мать поддерживала с ним связь через знакомых и получала от него короткие письма. В письмах не было адреса отправителя. Последнее известие сообщало о его смерти. Именно после этого Маргарет решила вернуться: она опасалась, что оставленные Джеймсом доказательства попадут к людям, которые прежде скрывали правду.

— Артур считает брата погибшим, — заметил Эллис.

— Значит, они много лет не виделись. Я не знаю почему.

Рид не стал искать объяснение немедленно. Он уже заметил, как часто люди в этом деле принимали отсутствие известий за доказательство смерти.

Они собирались ехать в пансион, когда снаружи послышался стук калитки. У ворот стоял мальчик в непромокаемой куртке. Он держал бумажный пакет, перевязанный бечёвкой, и переминался с ноги на ногу.

— Это для мисс Харпер, — сказал он. — Мне велели передать лично.

— Кто велел? — спросил Эллис.

— Не знаю. Пакет оставили у стойки в пансионе. Хозяйка сказала, что мисс Харпер здесь.

Рид попросил мальчика не уходить сразу и выяснил, кто именно передал ему поручение. Тот повторил имя хозяйки и подробно описал путь. Эллис записал всё, не повышая голоса: ребёнок явно не понимал, почему взрослые так встревожились.

Рут смотрела на пакет, словно боялась прикоснуться к нему.

— Откройте вы, — попросила она инспектора.

Внутри лежала мокрая кожаная перчатка и небольшой латунный ключ с металлической биркой. На ней было выбито число семнадцать. Рут узнала перчатку сразу: мать купила её ещё до поездки, потому что старые перчатки потеряла.

— Она всегда носила обе, — прошептала Рут. — Даже когда было тепло.

Рид осторожно разложил содержимое на чистой бумаге. Ни записки, ни имени отправителя не оказалось. Он не позволил себе сказать, что пакет означал угрозу: перчатку могли найти случайно, а ключ могли передать по просьбе самой Маргарет.

— Вы знаете, от чего он? — спросил он.

Эллис повертел бирку, не касаясь металла голыми руками.

— Похоже на ключ от камеры хранения на станции.

Рут закрыла глаза на мгновение, затем решительно под-

нялась.

— Тогда поедем туда.

— Поедем, — согласился Рид. — Но сначала выясним, кто оставил пакет в пансионе. Нам нужно понять, ведёт ли нас кто-то к вашей матери или, наоборот, старается направить в сторону.

На улице ветер усилился. Клара проводила их до калитки и задержала Рида.

— Вы ей верите?

Он посмотрел на Рут, которая стояла у машины, прижимая ладони к карманам пальто.

— Я верю, что она боится за мать. Всё остальное проверим.

Клара кивнула. За её спиной в окнах коттеджа горел тёплый свет. Рид подумал, как странно, что многолетняя тайна могла войти в обычную гостиную вместе с промокшим пакетом и маленьким железным ключом.

Глава 11. Камера хранения

Железнодорожная станция Грейхевена стояла на окраине, за рядом старых складов. Когда-то сюда ежедневно приходили составы с рыбой и углём, но теперь большинство путей заросло травой. В зале ожидания пахло сырой штукатуркой и крепким кофе из автомата. Над кассой висели часы, которые отставали на несколько минут.

Рут вошла первой, но у дверей остановилась.

— Мама не любила вокзалы, — сказала она. — Говорила, что там слишком легко потерять человека из виду.

— Она рассказывала, почему? — спросил Рид.

— Нет. Я привыкла не спрашивать о том, что ей трудно вспоминать.

Эллис направился к служебному окошку. Дежурная, женщина с усталым лицом и аккуратно собранными волосами, узнала ключ по номеру и объяснила, что семнадцатую камеру арендовала пожилая посетительница. Та расплатилась наличными и не назвала фамилии, хотя оставила подпись в книге.

— Вы её запомнили? — спросил Рид.

— Помню серое пальто. И то, что она дважды спросила, можно ли открыть камеру без ключа.

— Что вы ответили?

— Что в обычном порядке — нет. А если ключ потерян, нужен документ и управляющий. Она словно успокоилась, услышав это.

Дежурная принесла журнал. Рид сравнил подпись с образцом, который дала Рут. Сходство было заметным, но окончательный вывод он оставил специалистам. Он также попросил сохранить записи наблюдения и не выдавать никому сведения об аренде до завершения проверки.

Камеры хранения занимали узкий коридор за залом ожидания. Номер семнадцать находился почти у пола. Эллис сфотографировал дверцу, замок и пол вокруг. Рут стояла

чуть позади, крепко сжав ремешок сумки.

— Вы уверены, что хотите присутствовать? — спросил Рид.

— Да. Я слишком долго ждала, когда кто-нибудь наконец начнёт искать.

Замок повернулся туго. За дверцей стоял небольшой чемодан с потёртыми углами. Он оказался незапертым. Рид осторожно поднял крышку и увидел сверху шерстяной шарф синего цвета. Под ним лежали блокнот, газетные вырезки и плотный конверт.

Рут протянула руку к шарфу, но остановилась.

— Он мамин. Она вязала его сама. Здесь, возле края, всегда была неровная петля.

— Мы всё опишем, — сказал инспектор. — Потом вы сможете посмотреть ближе.

Эллис составил опись. Рид начал с блокнота. Страницы были исписаны мелким ровным почерком. На первых листах значились имена и даты, затем суммы, полученные от семей людей, которым обещали перевозку и работу. Рядом повторялось название фонда «Морской приют».

— Двадцать четыре человека, — тихо произнёс Эллис, пересчитав записи.

— А в официальном сообщении о гибели «Эстер» назвали девять, — ответил Рид. — Значит, мы пока не знаем даже, сколько людей находилось на борту.

Рут подошла ближе.

— Мама говорила, что часть пассажиров пересадили на другое судно. Она не знала, куда их увезли. Иногда ей приходили письма от людей, которые искали родственников. Она хранила их, но не могла отвечать всем.

— Почему?

— Боялась, что её найдут. И, наверное, боялась сообщить людям надежду, которая окажется ложной.

Рид осторожно перелистнул страницу. Среди фамилий были подчёркнутые имена, рядом с некоторыми стоял знак вопроса. Маргарет явно продолжала проверять сведения спустя годы, а не просто переписала старую ведомость.

В конверте лежали копии банковских документов. Несколько переводов сопровождались инициалами «С. Б.», но возле последнего крупного платежа значилось полное имя Эдварда Марча.

— Владельца «Северного берега»? — уточнил Рид.

Эллис кивнул.

— Он много лет возглавлял благотворительный комитет. В городе его считают человеком, который помог восстановить набережную.

— Благотворительность сама по себе ничего не доказывает, — сказал Рид. — Но нам придётся выяснить, за что именно платили по этим счетам.

Рут устало прислонилась к стене.

— Марч. Мама произносила эту фамилию только тогда, когда думала, что я не слышу.

— Она рассказывала о нём?

— Называла человеком, который всегда умел выглядеть добрым, пока другие выполняли за него грязную работу.

На самом дне чемодана лежал маленький диктофон. Эллис проверил его состояние и предложил сначала осмотреть устройство в участке. Но Рут попросила хотя бы убедиться, что на нём действительно голос матери. Рид согласился прослушать запись после того, как зафиксируют состояние прибора и скопируют содержимое.

Они вернулись в служебную комнату. Дежурная принесла воду и оставила их одних. Эллис включил запись. Несколько секунд слышался шорох, затем прозвучал женский голос, хрипловатый, но спокойный.

«Если вы это слышите, значит, я не смогла передать бумаги инспектору Томасу Риду. Доктор сказал, что новый следователь не участвовал в прежнем расследовании. Я хочу ему верить».

Рут сжала губы. Рид почувствовал неловкость от того, что незнакомая женщина произнесла его имя с таким осторожным доверием.

Запись продолжилась. Маргарет говорила о счетах фонда, о Саймоне Белле, который помогал скрывать движение денег, и о приказах, поступавших от Эдварда Марча. В ночь шторма она видела, как пассажиров переводили на другое судно. Некоторые остались на берегу.

Затем раздался звук открывшейся двери. Мужчина спро-

сил:

«Вы пришли одна, миссис Харпер?»

Запись оборвалась.

Рут подняла глаза.

— Это Марч.

— Вы знакомы с его голосом? — уточнил Рид.

— Слышала запись его выступления в городском архиве. Мама показывала мне её, когда объясняла, кого боится.

— Мы сравним голоса, — сказал инспектор. — Ваше узнавание важно, но нам нужна независимая проверка.

Рут отвернулась к окну. По стеклу стекали тонкие струйки дождя.

— Вы всё время говорите «проверим», «уточним», «сравним». А моя мать где-то одна.

Рид выдержал её взгляд.

— Именно поэтому я не хочу ошибиться. Если мы поспешим к человеку, который нам кажется виновным, и упустим настоящий след, потеряем время, которого у нас нет.

Она долго молчала, затем кивнула.

— Простите. Я понимаю. Просто я почти не спала.

Эллис принёс ещё один стул. Рут села, а Рид предложил ей подробно описать разговоры матери о Марче, не пытаясь восстановить те слова, которых она не помнила. После этого он связался с участком: нужно было проверить пансион, установить происхождение пакета и запросить документы фонда.

Перед уходом инспектор ещё раз осмотрел чемодан. Его заинтересовало, что Маргарет положила внутрь не только документы, но и личный шарф. Возможно, она собиралась уехать сразу после встречи. Возможно, рассчитывала вернуться на станцию и забрать вещи.

— Она оставила себе путь к отступлению, — сказал он Эллису.

— Или кто-то убедил её, что он понадобится.

Рид закрыл крышку. За окнами станции загудел редкий вечерний поезд. Его звук постепенно затих, и снова стало слышно только дождь. Чемодан у них был. Но человека, который его оставил, по-прежнему не нашли.

Глава 12. Гостиница у обрыва

Гостиница «Северный берег» возвышалась над бухтой на каменном уступе. Издалека она напоминала большой дом, которому со временем пристроили слишком много крыльев и башенок. Вблизи всё выглядело безупречно: вымытые окна, аккуратно подстриженные кусты, чистая дорожка, ведущая к массивной входной двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.